



Сто лет спустя

На незабываемой встрече Немировича-Данченко и Станиславского в "Славянском базаре", столетие которой мы с вами сегодня отмечаем, в это время, как я предполагаю, было покончено с закусками. При всей прелести русских закусок, они лишь увертюра. Главное приближалось, но еще не началось. Смее предположить, доверяясь, впрочем, лишь собственной интуиции, что как раз в этот момент принесли **первое**, то есть **суп!** Следовательно, если я хочу соответствовать моменту, я должен быть, как суп — должен говорить горячо, не очень плотно, разбавляя твердые мысли жидкостью шуточек и отступлений, и немного. Я должен знать свое место и помнить, что главное будет после.

Итак, мы отмечаем столетие разговора. Не будем скрывать, что сам факт такой даты и повод для высоких раздумий, и повод для иронии. Признаюсь, что я колебался в своем отношении. Но в конце концов совершенно определенно победило чувство лирической, сентиментальное. Два выдающихся человека сформулировали проект идеального театра. Именно с этого для они стали великими людьми. Два человека услышали друг друга, поняли друг друга и согласились друг с другом. Это более, чем грандиозно. Это уникально. Может быть, за все прошедшие сто лет ничего подобного не повторялось. В том числе и между двумя великими людьми, которые в два часа пополудни 22 июня 1897 года сели за стол в "Славянском базаре".

Сколько бы ни рассказывали то шепотом, то громко, о последующих конфликтах Константина Сергеевича и Владимира Ивановича, сколько бы ни было отклонений от гениального проекта в реальном создании, но благотворный взрыв прогремел. Была введена новая шкала художественных и этических ценностей на театре. Профессия актера и режиссера получили новые характеристики и совершенно новое место в жизни общества. Все,

Этот текст, произнесенный на Международной конференции, посвященной исторической встрече К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, был передан редакции "ЭС" С. Юрским. Подробности о конференции — на 10-11 страницах.

абсолютно все возникавшие за эти сто лет новые театральные теории во всем мире охотно или вынужденно, но обязательно соизмеряли себя с системой Станиславского и с театром, созданным Станиславским и Немировичем-Данченко.

Это восторженная часть моего монолога. Она окончена. Теперь часть аналитическая. Два великих человека попытались определить законы театрального творчества. Они сформулировали их. Казалось, что законы эти будут действовать всегда как законы природы. Но XX век во всех областях жизни стал веком беззакония. Борьбой за свободу в такой же степени, как и попранием свободы.

Мне кажется, что мы с вами присутствуем при завершении века режиссерского своеволия в театре. Прошу не принять меня за нигилиста. Я не собираюсь все зачеркивать. Были и есть прекрасные спектакли. Были и есть прекрасные режиссеры. Но общая тенденция — это мое индивидуальное мнение — общая тенденция есть своеволие **хозяина**, то есть режиссера. Не лидера, не руководителя, а именно **хозяина**. В нынешнем театре — он, режиссер, единственный художник. Актеры же — краски, которые он более, а часто менее умело выдавливает на холст сценической площадки. Актеры постепенно привыкают к такому положению и начинают даже получать удовольствие от своего иждивенчества.

Наблюдательные Ильф и Петров в 30-е годы едко пошутили, сочинив афишу современного театра: "Женитьба". Пьеса Голея. Текст Шершеляфамова. Автор спектакля Ник. Сестрин". Но ведь теперь в наш клипсовый период жизни это на каждом шагу.

Появились режиссеры, которые совершенно не представляют, что такое профессия актера. И даже гордятся этим. Бывают спектакли, где на сцену не ступала нога режиссера. Он сидит в темноте зала с микрофоном и творит нечто из живых людей, безоговорочно опущая свое богоподобие. "Я не умею играть, это ваше дело, — говорит он гордо, — я умею творить и не мешайте мне!"

Бедный театр! Бедные участники встречи в "Славянском базаре"! Ведь эти люди тоже ваши последователи и наследники.

Актеры порой сознают унизительность своего положения, но... que faire? Фэр — то же? Тогда актеры стремятся вырваться в "звезды". И вырываются. Это кстати, совсем не так трудно. Куда легче, чем сыграть хоть одну роль по-настоящему хоро-

шо. Вырвавшись в "звезды" или, можно сказать, ворвавшись в круг звезд, актер остается все тем же тубиком краски, на другое он и не способен, но **имя** играет. Этот тубик теперь и стоит дорого и — главное — имеет право капризничать и причинять всем окружающим массу мелких неудобств. Всем, в том числе и **творцу** — режиссеру. Это маленькая месть бывших художников.

Кто же на самом деле **творец** в театре? В времена "Славянского Базара" считалось, что творец несомненно один — автор. Выразитель, носитель **замысла** — актер. Режиссер — есть фигура, соединяющая Творца и Творение. Не без участия МХАТа впоследствии режиссер выдвинулся на единственно первое место. Но эта руководящая роль оказалась слишком привлекательной. На нее и другие претендуют. **Театральные художники**, бывшие ранее мирными травоядными, вдруг стали проявлять повадки хищников. Они (никак не отрицаю их таланта и возросшего мастерства), но они научились делать декорации, которые сами по себе рассказывают и эпоху, и содержание, и смысл спектакля. Текст и актеры только добавка к декорации, а иногда и помеха этой декорации. Чтобы актеры утешились, им дают отвлекающие игрушки. Например, — каждому по микрофону в петлицу. Теперь в самом большом зале можно играть, не повышая голоса. Правда, звук становится неживым, постоянно одинаковым. Правда, исчезает чудо владения залом с помощью обычных голосовых связей, только тренированных и умеющих выражать движение души актера. Но это уже неважно. Зато очевиден **прогресс** в театральном деле. В театре вообще нынче не о душе речь.

В России всегда было две власти. Власть хозяев жизни и властители дум. Две эти власти не совпадали. Властителями дум в разное время были писатели, адвокаты, потом актеры, режиссеры, в 60-е годы на короткий срок властителями дум стали даже поэты (такого со времен **Древней Греции не было**). Перестройка показала невероятные перевертыши сознания — властителями дум стали сатирики, потом экономисты, потом те, кто мог подражать голосам государственных деятелей, потом дикторы, потом затейники. Хозяева жизни, то есть власть реальная, мучительно тоже хочет стать **властителем дум**. Потому и становится то актером, то экономистом, а то и затейником.

Да, властители дум это те, кто определяет не только направление мыслей, но и

вкус и шкалу ценностей. Та, давняя, столетняя встреча Станиславского и Немировича-Данченко дала толчок к тому, чтобы на время люди театра стали властителями дум. В условиях тоталитарного общества театр заменил и церковь, и религию, и философию. Власть именно исполнителей охотно производила в генералы. Творцы быстро начинали раздражать. Интерпретаторы были предпочтительней. А народ — зрители — народ довольствовался тем, что было доступно. Цензурованные тексты не возбуждали никаких эмоций. А вот актерская интонация, режиссерская мизансцена с намеком могли стать и становились глотком свободы. Тогда театр в СССР и пережил свои звездные годы.

А теперь? А сегодня?

Дорогие, искренне почитаемые Константин Сергеевич и Владимир Иванович! Сегодня 22 июня 1997 года. (22 июня — это день начала Великой войны. Это традиционный день окончания выпускных экзаменов в школах. Это день юбилея вашей великой встречи.) Ваш МХАТ стоит на том же месте. В Москве в этом году было 200 премьер. Почти каждый заметный актер обзавелся собственным театром. Или театром собственного имени. Теперь это можно. У нас теперь опять капитализм. У нас теперь, случается, хватает дорогостоящей декорации. Так и пишут — самый дорогой спектакль сезона, или года, или века, или всех времен и народов. Почему-то это привлекает публику. Ваши имена не забыты. Если бы вы могли взглянуть на сегодняшний зал, вы бы в этом убедились. Вас издают, вас цитируют. Несколько хуже с общедоступностью, о которой вы мечтали. Многим театр стал не по зубам. Но как-то выкручиваемся. Народ в зале есть. Может, это и не народ, а элита. Просто она разрослась. Самое модное слово в театре нынче — спонсор. При этом ссылаются на вас и на Санву Морозова. Наверное, справедливо. Но все же в ваши времена это слово так часто не произносилось и так много поклонов не били и вообще — были и другие темы для разговоров.

Мы, сегодня собравшиеся, может быть, общими усилиями и нашли бы эти темы. Мы постарались бы и нашли массу вопросов к вам и массу слов восторга и восхищения вами. Потому что при всей нашей путанице и разногласии и мучительных несогласиях — при всей нашей намерзливости и даже цинизме — вы для нас святы. И мы считаем себя — от вас. Все! Уверю вас, все, кто есть в этом зале. Поклон вам и вашим идеалам с этих подмостков, которые вы создали.

100 лет большой срок. 100 лет памяти коллег — знак вашего величия.

Сергей ЮРСКИЙ

3.07.97
Юрским Сергей